

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

ЗВЕРЬ И ЧЕЛОВЕК

Аннотация. Статья посвящена критическому разбору социобиологической концепции человека. Подчеркивается, что это направление синтезирует социальный дарвинизм, генетический детерминизм и этологизм. Социобиологи ратуют за расширение сферы биологических исследований в объяснении природы человека. Суть полемики состоит в том, чтобы ответить на вопрос, в какой степени поведение человека обуславливается генетическими факторами или как соотносится культурная динамика с генетикой человека. Такое направление исследований называется генно-культурной коэволюцией. Часть исследователей убеждены, что поведение человека целиком определяется социокультурными предпосылками. Другие, напротив, считают, что за генетическими факторами сохраняется доминирующая роль в поведении не только у животных, но и у человека.

В статье использованы теоретические достижения философской антропологии, которая доказывает уникальность человека как особого рода существа. Описаны также подходы к теме с позиции социобиологов, отрицающих или исключаящих роль культурных факторов в поведении и предназначении человека.

В статье осуществляется критика социобиологии с учётом новейших достижений биологии и философии культуры. Показано, что представители социобиологизма взяли на себя роль ортодоксальных эволюционистов. Как и Ч. Дарвин, социобиологи стремятся объяснить социальное поведение животных с точки зрения теории естественного отбора. При этом в статье отмечено, что нет оснований некритично принимать достижения популяционной генетики. Ставится вопрос о том, способны ли современные люди изменить характер своей эволюции. Обосновано, что не следует рассматривать эволюцию лишь как средство сохранения вида. Эволюция позволяет выделять только консервативные черты, т.е. наследовать и сохранять лишь проверенное и отобранное в процессе развития.

Ключевые слова: зверь, человек, социобиология, животные, культура, традиция, деструктивность, язык, жесты, коммуникация.

Review. The present article is devoted to critical analysis of the sociobiological concept of human. It is emphasized that this approach synthesizes social Darwinism, genetic determinism and ethologism. Sociobiologists advocate the expansion of the scope of biological researches that try to explain human nature. The main objective of sociobiological disputes is to answer the question to what degree the behavior of human is determined by genetic factors, or how cultural development corresponds to human genetics. Such research trend is called genetic-cultural coevolution. Some researchers are convinced that the behavior of human is entirely determined by sociocultural prerequisites. Others, on the contrary, consider that genetic factors play the dominating role in behavior of not only animals but also humans. In his article Gurevich has used theoretical achievements of philosophical anthropology that proves uniqueness of human as a living being of a special kind. The author also describes approaches to the subject of the research from the position of sociobiologists who depreciate or eliminate the role of cultural factors in human behavior and destination. In his article the author also criticizes sociobiology taking into account the latest developments of biology and philosophy of culture. It is shown that representatives of sociobiology assumed the role of orthodox evolutionists. As well as Charles Darwin, sociobiologists try to explain social behavior of animals from the point of view of the theory of natural selection. At the same time, the author has noted that there are no bases to accept achievements of population genetics without critics. Gurevich raises a question whether modern humans are capable of changing the nature of evolution. It is proved that one should not consider evolution only as a mean of species conservation. Evolution allows to mark out only conservative features, i.e. to inherit and keep only checked and selected features in the course of development.

Keywords: destructiveness, tradition, culture, animal world, sociobiology, human, animal, language, gestures, communication.

Правомочно ли противопоставление зверя и человека? Разве человек не вполне зверь? Недаром известный исследователь А.П. Назаретян приходит к выводу, что человек, конечно, отличается от животных, но мы, люди, к сожалению, ещё недостаточно озверели [см.: 1]. Выходит, человек в чём-то, может быть, и зверь, но ему ещё надо эволюционно подтянуться, а то он так и не дотянется до уровня хищных животных. Да, он, впрочем, и не старается. Все хищники ведут себя более предусмотрительно. Они подчиняются известному закону природы: чем мощнее хищник, тем сильнее действует в нём инстинктивный запрет на уничтожение себе подобных. Но человек как-то и не собирается накладывать табу на убийство. Он истребляет животных, с помощью доместикации доводит их до безумия. А сам не прочь развязать истребительные войны.

После выхода в свет работы Э. Фромма «Анатомия человеческой разрушительности» особая агрессивность людей, необузданность их погибельных свершений никому не даёт покоя. Более того, рождаются предположения, что такой склад психики и человеческой активности отражается на судьбе животных. Никому, к примеру, не приходило в голову переносить законы человеческого существования на животную общность. Не практиковалось также проецирование сведений о животных скоплениях на человеческое поведение. Между тем Ж. Бодрийяр показал, что такое наложение двух систем представлений не только специфично, но и в крайней мере значимо. Наблюдая невротизацию домашних животных, мы видим, что сходные процессы происходят также и в людских коллективах. Так открывается новое поле исследований феномена психики [см.: 2].

Но действительно ли между человеком и зверём есть некий существенный барьер? Напомним, что некогда популярная М. Мигли пришла к выводу, что такая демаркация на самом деле отсутствует. Для неё нет никаких доказательств. Но откуда взялось это стойкое убеждение? М. Мигли полагает, что к этому обязывает прежде всего традиция. Кроме того, у человека есть этические нормы. Его агрессия зачастую мотивирована. Может ли, к примеру, тигр, растерзавший жертву, представить доводы, которые свидетельствуют о его невинности? Да у тигра нет и грамма раскаяния. Так заведено в животном мире.

Однако человек обладает рядом свойств, которые, как нам кажется, отсутствуют в животном мире. У него есть речь, рациональность, культура. Но о какой рациональности идёт речь? Можно ли

понимать её как высшую степень рассудительности, если человек растерзал природу, устроил опустошительные войны, присвоил себе роль хозяина планеты, а теперь неудержимо стремится в космос, чтобы овладеть межзвёздными просторами и утвердить своё безоговорочное величие? И не является ли культура с её артефактами незаконным отклонением от природы, её магистрального пути? Не правы ли те мыслители, а среди них, к примеру, А. Шопенгауэр, М. Шелер, что именно культура увлекла людей в тупик, который отчуждает их от природы и грозит им суровыми последствиями?

А не исключено, что эти артефакты и не являются вовсе таковыми? Может быть, обретения человека ни чем не отличаются от того, чем полагают животные? М. Мигли полагает, что эти достижения людей можно оценивать и как прямое продолжение нашей природной сущности, тесно связанной с основной структурой различных побуждений [3]. Нет ничего случайного в том, что человек оседлал лошадей. В природном мире можно найти многочисленные примеры такой приспособляемости. Не предположить ли, что никаких чисто человеческих потребностей у людей нет? Такое мнение – сильное преувеличение мысли Э. Фромма. Потребности у зверя и у человека одинаковые. Разнятся только способы их удовлетворения. В то же время – и это парадоксально! – основная структура потребностей остаётся неизменной. Разве потребность в доминировании является чисто человеческой привилегией? Не будь на земле людей, здесь могла бы, считают социобиологи, возникнуть, к примеру, крысиная цивилизация. Можно согласиться с тем, что в крысином сообществе есть собственная иерархия власти и подчинения, есть лидеры, ведущие за собой крысиную массу, но всё же их стая не достигает такого уровня всесторонних связей и соотношений, как у людей. И в том, что такая участь постигла крыс, виноваты не люди.

С другой стороны, человеческое сообщество нередко живёт по законам стаи. Иррациональность массового поведения описана всесторонне. Один харизматичный лидер может увлечь массы к гибели. Паника, буйство толпы напоминают поведение леммингов, которые солидарно устремляются в пропасть. Люди, точно комариное стая, снуют туда-сюда (хороший образ, но заимствован мною у Ф.И. Гиренка). Разве феномен озверевшей толпы плохо описан известными исследователями? Напомним, что французы, бежавшие к Басти-

лии с освободительными целями, просто взорвали её? Согласно М. Мигли, существуют определённые границы, внутри которых формируется наша культура, рациональность или язык. Никакой трансгрессии, всё по природным лекалам.

Язык рождён определённой коммуникативной потребностью. Существует множество «разговорных кодов». Павлин, развернувший свой красочный хвост, соперничает по глубине невыразимой любви с сонетами Шекспира. Шифры разного рода предупреждений сородичам волнуют океанские просторы. Воинственные позы животных красноречивее человеческих ультиматумов и сообщений о неотвратимых намерениях. «Языку» животных не чужда и символика. Лебедь, сложивший крылья по причине гибели своей подруги и принявший смерть, утверждает чувство любви с той же непрерываемостью, как «нет повести печальнее на свете».

Животным тоже есть о чём поговорить. Причём на языке, который не позволяет усомниться в точности «сказанного». Транслэйтор не нужен. Поджатый хвост выразительнее человеческих уточнений: «Так бы сразу и сказал...». Тот, кто проиграл, удаляется прочь, а триумфатор не спешит добить противника, как боксёр, пославший соперника в нокаут. Спектр коммуникативных сообщений совсем не узок. Есть все формы выражения: вежливая и грубая, высокомерная и непристойная, победительная и снисходительная. Может это так и есть? Только где у животных разнотравье языков, различных лингвистических кодов? Но социологи и не спорят о том, что возможности коммуникации у людей поразительны. Они только утверждают, что эти возможности порождены природой, в ней коренятся, никаких сверхъестественных качеств не имеют.

Можно, видимо, предположить, что язык у людей отражает совсем иную коммуникативную природу. Ведь у животных есть интеллект, но он работает по каким-то другим законам, иначе сконструирован. Но ведь животные общаются с помощью жестов, а не слов. Причём эти знаковые сообщения не придуманы по случаю. Они врождены. Однако люди тоже общаются с помощью жестов. Мигли замечает: и у человека жесты по-прежнему играют неосценимую роль. Каждый может в этом убедиться, рассуждает она, если проговорить своё приветствие, не поворачивая головы, не поднимая бровей, без остановок или каким-то другим способом, словно не замечая присутствия адресата. А в самом деле, что произойдёт? Очевидно, собеседник подумает, что приветствие адресовано не ему,

а другому или является образцом лёгкого безумия с нарушением коммуникативных правил.

М. Мидли утверждает далее, что языки, которые являются достоянием человека, различны. Хотя их функции, те социальные модели, которые они обозначают, отличаются в меньшей степени. Налицо, как говорится, одна и та же коммуникативная ситуация. Представим себе встречу с людьми других культур. Аборигены выбрасывают разные жесты, но мы ещё не знаем их смысла. К тому же этот язык не соотносён с сознанием. Туземцы пользуются бессознательными знаками. И вот тут, по мнению М. Мидли, сразу заметно сходство между людьми разных культур. Но одновременно между людьми и животными. Э. Фромм предупреждает, что движение лапкой у кошки, которая вылакала молоко, вовсе не свидетельствует о её пренебрежении к хозяевам. Возможно, этот жест на кошачьем языке выражает безмерную благодарность. Собаки, оказывается, не любят принудительных поцелуев, они их пугают. Но уж крыса, вставшая на задние лапки и принявшая позу нападения, в разгадывании жеста не нуждается.

М. Мидли полагает, что язык только по видимости можно считать культурно-социальным феноменом. По мнению социобиологов, аналогия с языком показывает, что способы выражения мысли или состояния не просто рождаются сами по себе. Смысл жеста далеко не всегда одинаков. Порой он приобретает иной оттенок в более острой социальной ситуации. Однако в спектре основных человеческих отношений, арсенал жестов транслируется от культуры к культуре. О чём может свидетельствовать сходство жестов в абсолютно разных культурах? Если индианка Южной Америки использует те же жесты, что и жительницы Полинезии и Европы, то не доказывает ли это, что определённые знаки обнаруживают поразительную живучесть в процессе естественного отбора.

Можно ли сказать, что в таком общении нет ни грамма культуры? Не логичнее ли предположить, что жесты людей в отличие от аналогичных действий животных выражают уже не только природное существование, но и определённый культурный смысл. Закрепление жестов в разных культурах свидетельствует об их стойкости, но вовсе не обязательно подтверждают мысль о том, что природное всегда заполняет собой любое культурное состояние. Представим себе, что некий человек выражает эмоции, которые не вписываются в норму. Скажем, индивид пытается передать состояние агрессии, но, условно говоря, не попадает в

это состояние. Имитация жеста, не подкреплённая эмоциональной достоверностью, будет сразу замечена. Выходит, по мнению М. Мидли, жесты неизбежно обращают нас к архаическим временам, к наиболее глубинным типам поведения.

Возможно, всё это действительно так. Однако комментарий М. Мидли не вполне убедителен. Она считает, что тот, кто рассматривает жесты как средство сдерживания, должен понимать, что без них мы вовсе лишены возможности ответных действий. Каждый жест, разумеется, конвенционален, т.е. в данной культуре он не может иметь разное толкование. Представим, например, незнакомца, который бежит с поднятой вверх рукой. Многим понятно, что вздернутая вверх рука – знак дружеского приветствия. Но можно ли считать, что это безоговорочный элемент всеобщего человеческого репертуара?

Теперь о таком человеческом обнаружении, как смех. Мы говорим: «Я давно так не смеялся». Значит, можно испытывать тоску по остроумной ситуации или фразе. Или просто по юмору. Впрочем, чувство юмора довольно капризно. Одна и та же шутка вызывает весёлую реакцию в одной аудитории и недоумение в другой. В каждой культуре есть особое чувство юмора. Но вот М. Мидли мнит, что сами темы,

равно как и обыгранные в них ситуации, особым разнообразием не отличаются. Скажем, шутки по поводу секса получают признание везде. Это общая расхожая тема, рождающая парадоксальное и весёлое ощущение. В чём же причина? Может быть, доверимся Фрейду, который указал, что смех снимает напряжение. В некоторых культурах, например, в древней Спарте признавали юмор, утончённый, простой, не рождающий веселья. В иных культурах смех если не табуируется, то во всяком случае вводится в определённые социальные рамки. Но эти стремления обуздать смех особого успеха не имеют. Скорее всего, они достигают противоположного эффекта. Не удаётся в полной мере подчинить смех другим ценностям.

Но что всё это означает? Когда лошадь скалится, мы вовсе не полагаем, что ей присуще чувство юмора. Не замечено, что, допустим, собаки подтрунивали друг над другом. Как не крути всё равно юмор – чисто человеческое достояние. Чтобы возник комический эффект, мало обнаружить корову, которая распласталась от неудачного шага. Юмор – несомненно, продукт культуры, поскольку для порождения комического результата мало одной жизненной нелепости. Должно возникнуть и развиваться чувство абсурда и укрепнута интеллектуальная острота.

Список литературы:

1. Гуревич П.С. Достаточно ли вы озверели? // Философия и культура. 2012. № 2(50). С. 4-5.
2. Гуревич П.С. Есть ли бессознательное у животных? // Психология и психотехника. 2015. № 3(78). С. 231-234.
3. Midgley M. *Beast and Man: The Roots of Human Nature*. Routledge, 1978.
4. Гаузе Г.Ф., Карпинская Р.С. Эгоизм или альтруизм? // Вопросы философии. 1978. № 8. С. 145-150.
5. Игнат'ев В.Н. Социобиология человека. Теория генно-культурной коэволюции // Вопросы философии. 1982. № 9. С. 134-141.
6. Карпинская Р.С., Никольский С.А. Критический анализ социобиологии. М.: Знание, 1985. 64 с.
7. Midgley M. *The Solitary Self: Darwin and the Selfish Gene*. Acumen, 2010.
8. Wilson E.O. *Sociobiology: the new synthesis*. Cambridge (Mass.); London: Belknap press of Harvard univ. press, 2002. 697 с.
9. Новоженев Ю.И. Глобализм и социобиология. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. 241 с.
10. Новоженев Ю.И. Таинственное либидо: Социобиологический анализ человеческой сексуальности. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. 767 с.
11. Сапунов В.Б. Эссе о социобиологии. СПб.: Копи-Парк, 2008. 155 с.

References (transliteration):

1. Gurevich P.S. *Dostatochno li vy ozvereli?* // *Filosofiya i kul'tura*. 2012. № 2(50). S. 4-5.
2. Gurevich P.S. *Est' li bessoznatel'noe u zhivotnykh?* // *Psikhologiya i psikhotekhnika*. 2015. № 3(78). S. 231-234.
3. Midgley M. *Beast and Man: The Roots of Human Nature*. Routledge, 1978.
4. Gauze G.F., Karpinskaya R.S. *Egoizm ili al'truizm?* // *Voprosy filosofii*. 1978. № 8. S. 145-150.
5. Ignat'ev V.N. *Sotsiobiologiya cheloveka. Teoriya genno-kul'turnoi koevolyutsii* // *Voprosy filosofii*. 1982. № 9. S. 134-141.
6. Karpinskaya R.S., Nikol'skii S.A. *Kriticheskii analiz sotsiobiologii*. M.: Znanie, 1985. 64 s.
7. Midgley M. *The Solitary Self: Darwin and the Selfish Gene*. Acumen, 2010.
8. Wilson E.O. *Sociobiology: the new synthesis*. Cambridge (Mass.); London: Belknap press of Harvard univ. press, 2002. 697 s.
9. Novozhenov Yu.I. *Globalizm i sotsiobiologiya*. Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 2009. 241 s.
10. Novozhenov Yu.I. *Tainstvennoe libido: Sotsiobiologicheskii analiz chelovecheskoi seksual'nosti*. Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 1999. 767 s.
11. Sapunov V.B. *Esse o sotsiobiologii*. SPb.: Kopy-Park, 2008. 155 s.